

Посвящается пережившим насилие

Оглавление

Примечание автора	9
Введение	11
Глава 1. Вдоль осей власти	23
Неравномерное распределение доверия	32
Как комплекс доверия вынуждает жертв молчать	45
Глава 2. «Идеальные жертвы» и «насильники-монстры»	63
Миф и реальность: жертвы	70
Миф и реальность: насильники	82
Глава 3. На чьей стороне правда?	89
Сомнения по умолчанию	101
«Он сказал, она сказала», он победил	107
Воображаемая обвинительница	109
Кредит доверия	130
«Это точно было насилие?»: норма самосомнения	135
Сомнение, вписанное в закон	140
Глава 4. Перекладывание вины	149
«Да что со мной не так?»: самообвинение и стыд	159
«Плохие» жертвы	164
Законное перекладывание вины	174
Слишком сексуальна для закона	179

Глава 5. Дисбаланс внимания	195
«Ты что, шуток не понимаешь?»: смех как пренебрежение	205
Дисбаланс внимания: взгляд жертвы	209
Узаконенный дисбаланс внимания: сексуальные домогательства	217
Узаконенный дисбаланс внимания: изнасилование	230
Правда на его стороне	239
Глава 6. Казалось бы, куда хуже	251
Как мы подводим жертв	259
Как жертв подводят авторитетные организации	265
Неравная защита законом	281
Глава 7. За пределами веры	291
«То, что случилось, было неправильно»: признание и реабилитация	302
Передача «бремени позора»: суть наказаний	314
Последствия как реабилитация	320
Заключение	331
Благодарности	345

Примечание автора

Истории, которыми я поделюсь в этой книге, показывают, к каким последствиям приводят сексуальное насилие и домогательства. Разумеется, эти страницы я могла бы просто посвятить отважным людям, которые справились с негативным опытом. Но я решила выделить случаи, демонстрирующие определенные шаблоны общественного поведения в отношении жертв насилия, и дать голос тем, кого так редко выслушивают. В моих историях вы увидите, какой опыт переживают люди, которые решаются обвинить кого-то в насилии. В некоторых случаях я изменила имена и личные характеристики, чтобы сохранить конфиденциальность.

Я использую слова «жертва» и «справившаяся с насилием»¹ как взаимозаменяемые, кроме тех случаев, когда контекст требует конкретизации или когда описываемый человек предпочитает определенное понятие. Оба термина подчеркивают, сколько вреда наносит сексуальное насилие, насколько сложно излечиться до конца от последствий травмы (порой это вовсе невозможно) и сколько

---

¹ В русском языке нет точного аналога английскому понятию *survivor*, которым обозначают человека, прошедшего через трудности (не обязательно угрожающие жизни) и способного жить дальше. В большинстве случаев *survivor* переводится в этой книге как *жертва*, если иного не требует контекст. — Прим. пер.

требуется сил, чтобы двигаться дальше. Как выразилась писательница Донна Фрейтас¹: *«Я справилась с произошедшим, но все же остаюсь жертвой. И весь этот опыт теперь со мной навсегда».*

Хотя мальчики и мужчины тоже страдают от сексуального насилия, девочки и женщины составляют большинство среди жертв абьюза. Не секрет и то, что чаще всего насильниками являются мужчины. Используя гендерные местоимения при описании жертв и преступников, я подразумеваю, что жертвой является женщина, а преступником — мужчина, поскольку это самая распространенная модель насилия.

Власть преступника позволяет ему пользоваться чужой уязвимостью и защищает его. По сей день большая часть случаев абьюза остается без внимания, а общественные конструкты, позволяющие насилию произойти, продолжают существовать. Гендер неотделим от сексуального насилия и его последствий. Эти факторы формируют реальность, где происходят события, о которых я расскажу дальше.

---

¹ Донна Фрейтас — американская ученая, преподаватель, писатель, автор художественной и научно-популярной литературы. Одна из ее книг — «Девять жизней Роуз Наполитано», которая выйдет в России в издательстве МИФ в 2022-ом году. Здесь и далее — *прим. ред.*

Введение

Однажды утром в конце февраля 2020-го года я подошла к зданию уголовного суда в Нижнем Манхэттене, где в начале своей карьеры работала прокурором. В те времена я специализировалась на гендерном насилии, и многие случаи из практики хорошо помню до сих пор. Именно о них я думала, в частности, о жертвах абьюза, когда пробиравась сквозь толпу. В тот день я вернулась в суд из-за дела против Харви Вайнштейна¹. Я внимательно следила за этим процессом, находясь в Северо-Западном университете. Теперь же я, наконец, могла наблюдать его вживую.

Я находилась в зале суда, когда после пятидневного обсуждения присяжные объявили, что вынесли вердикт. И это было чем-то экстраординарным: подавляющее большинство жалоб на сексуальное насилие обычно не приводит даже к аресту, не говоря уже об обвинении, судебном преследовании или осуждении подозреваемого. В США лишь около 20% поданных в полицию заявлений, связанных с насилием, приводят к аресту. А в некоторых странах этот показатель еще ниже. Когда дело все-таки доходит до суда, на плечи присяжных ложится тяжкий груз, если выясняется, что обвинительница и обвиняемый были знакомы. А когда обвиняемый еще и влиятельный человек, привлечение к ответственности — редчайшее исключение из общего правила безнаказанности.

---

¹ Харви Вайнштейн — американский кинопродюсер, бывший член правления и сооснователь компании *Miramax Films*. В 2017-ом году Вайнштейна массово обвинили в сексуальном насилии, а в 2020-ом году суд принял решение по делу.

С делом Вайнштейна будто началась новая эпоха. Беспрецедентное освещение преступлений голливудского магната превратило шепот жертв в громогласный хор публичных обвинений. Хештег #MeToo¹ захватил интернет. Люди из разных общественных слоев делились своими историями и разоблачали насилие в издательском бизнесе, моде, музыке, спорте, рекламе, кино, благотворительности, гостиничном бизнесе, IT-секторе, юриспруденции, академических кругах, технологичных отраслях, политике, на производствах и много где еще. К тому моменту прошло уже 10 лет с тех пор, как Тарана Берк² основала движение Me Too, направленное на расширение прав и возможностей жертв сексуального насилия, особенно небелых девочек и женщин. Именно благодаря этому движению сексуальное насилие стало главной темой наших повседневных разговоров, когда Вайнштейн предстал перед судом.

С подъемом #MeToo активисты и правозащитники решили использовать хештег для продвижения системных изменений. И кое-чего они добились. Власти более чем 10 штатов запретили соглашения о неразглашении, с помощью которых Вайнштейн столько лет заставлял женщин молчать. Несколько штатов расширили определение сексуального домогательства, чтобы охватить больше его форм и защитить больше жертв, например, независимых подрядчиков и стажеров. Несколько штатов продлили срок подачи заявления о сексуальных домогательствах с момента совершения преступления.

---

¹ Хештег #MeToo (#ЯТоже) распространился в социальных сетях в 2017-ом году после скандала вокруг Вайнштейна. Хештег подчеркивает осуждение сексуального насилия и домогательств.

² Тарана Берк – американская активистка-правозащитница, феминистка. Неоднократно подвергалась насилию. Известна тем, что помогает молодым девушкам из маргинальных сообществ, жертвам сексуального насилия.

Несмотря на первоначальные успехи, дальнейшие институциональные и культурные изменения остановились. Отвоєванных юридических послаблений все еще недостаточно. Сегодня во всех штатах и федеральных судах — и гражданских, и уголовных — продолжают действовать законы, снижающие доверие к обвинительницам.

За пределами правовой системы ситуация еще хуже. В повседневной жизни нам приходится быстро решать, кому доверять, когда коллега рассказывает о домогательствах, когда кто-то вполголоса советует быть осторожнее с начальником, когда подруга делится болью от давнего или только произошедшего сексуального насилия, когда знакомые обвиняют друг друга в социальных сетях, когда в адрес любимого политика, актера или спортсмена выдвигают обвинения.

Всякий раз, оценивая достоверность слов, мы даем оценку и самому говорящему.

Судить о правдивости суждений — значит обладать властью, потому что доверие само по себе можно назвать формой власти. Тем не менее мы пользуемся этой властью весьма неосмотрительно — и как общество, и как личности. Это касается даже людей с самыми благими намерениями, в том числе лояльных к #MeToo.

Сами того не заметив, мы попали под влияние сил, образующих, как я его называю, *комплекс доверия*. Эти силы искажают наши суждения, заставляя больше доверять